

III.2.3
БЕЛОРУССКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ И АФОРИСТИКА
В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ
(актуальные проблемы изучения)

Развитие фразеологии как самостоятельной отрасли языкознания не видится на современном этапе без нейтрализации национальной специфики в концептуальном и методологическом планах (унификации и стандартизации основных понятий и методов изучения фразеологического материала, который несмотря на все свои национально-культурные особенности должен квалифицироваться и описываться одинаково во всех национальных ответвлениях лингвистики), а также без дифференциации и определения актуальных проблем собственно фразеологии и смежных лингвистических дисциплин (паремиологии, афористики и др., которые несмотря на наличие существенных сходств и историческую связь с фразеологией всё же должны развиваться отдельно и иметь собственную методологию и свой метаязык). В этой связи актуальные проблемы фразеологии, паремиологии, афористики должны определяться и решаться в рамках

изучения каждого славянского языка в проекции, во-первых, на общеславянский, а во-вторых, на общеевропейский контекст.

Определение актуальной проблематики белорусской паремиологии и афористики в рамках одного доклада не является случайным. При всем очевидном различии своего развития и современного состояния паремиология является уже оформившейся научной дисциплиной в белорусистике, тогда как афористика ещё находится в стадии становления. Данные направления имеют очень много сходного в плане своих задач и наиболее значимых вопросов. Ещё одним аргументом в пользу общего рассмотрения актуальных вопросов изучения белорусских пословиц и афоризмов является то, что данные единицы имеют ряд общих интегральных признаков (обобщённое значение, логическую структуру суждения, законченность мысли, лаконичную форму, автосемантическую). Это позволяет им в процессе функционирования в речи утрачивать либо приобретать дифференциальные свойства друг друга (терять или обретать авторство, переносный смысл и т. п.), т. е. взаимно конверсировать.

Сходные для белорусской паремиологии и афористики задачи и вопросы должны решаться в рамках одних и тех же аспектов данных направлений – теоретического, прикладного (лексикографического), а также метатеоретического (концептуального и метаязыкового отграничения друг от друга и от смежных филологических дисциплин).

Актуальными проблемами современной белорусской паремиологии и афористики в общеевропейском контексте являются, на наш взгляд, следующие: (1) определение критериев ограничения объема единиц паремиологического и афористического состава белорусского языка; (2) систематизация и описание паремиологического и афористического материала белорусского языка; (3) выявление количественных характеристик паремиологического и афористического фондов белорусского литературного языка; (4) лексикографическое описание паремиологических и афористических единиц белорусского литературного языка в словарях нового типа; (5) создание двуязычных переводных паремиологических и афористических словарей белорусского и других славянских и неславянских языков; (6) определение общего (универсального) и специфического (национально-культурного) компонентов белорусской паремиологии и афористики на фоне славянских и неславянских языков.

В данной статье мы попытаемся охарактеризовать специфику трёх наиболее актуальных на сегодняшний день проблем белорусской паремиологии и афористики, а также предложить некоторые пути и способы их решения.

1. Определение критериев ограничения объема единиц паремиологического и афористического состава белорусского языка остаётся на сегодняшний день так и не решенной окончательно теоретической проблемой. В белорусистике, как впрочем и в европейской языковедении в целом, отсутствует однозначное понимание того, что такое пословицы и афоризмы как лингвистические феномены, в чём их сходство и в чём различие.

Так, сама по себе дефиниция пословицы представляет самостоятельную научную проблему, которой посвящаются отдельные научные исследования (ср., например, в русистике: Занглигер 2007). Однако, во многих случаях, даже при отсутствии серьёзных теоретических разногласий, на практике (например, в паремиологических словарях) как пословицы часто квалифицируются отнюдь не пословичные выражения. В связи с этим видится необходимым более строго разграничивать, во-первых, пословицы (как языковые единицы) и малые жанры фольклора (как тексты), во-вторых, пословицы и крылатые изречения (посредством выявления реальной для среднего носителя языка ассоциации с литературным источником), в-третьих, пословицы и расхожие безобразные фразы (на основе их принадлежности к паремиологическому фонду языка или к инновациям, детерминированным временными и/или функционально-стилистическими рамками). Такое разграничение невозможно без однозначного определения собственно лингвистических признаков как пословиц, так и смежных с ними языковых и речевых единиц.

В последнее время при дефиниции пословиц в терминах лингвистики всё чаще упоминается такое их свойство, как “афористичность”, а сами пословицы всё чаще называются “народными афоризмами”, или просто “афоризмами”. При этом понятия “афористичность” и “афоризм” приобретают самые разнообразные трактовки, нередко весьма противоречивые. Наиболее актуальным для белорусской афористики представляется определение афористичности как языковой категории и описание афоризма как сложного объекта, который соотносится со смежными лингвистическими единицами (пословицами, крылатыми словами, литературными изречениями и т. д.) только частично. Собственно лингвистическое понятие афоризма в таком случае видится не родовым, а категориальным. Такой подход позволит не только описать отдельный класс (тип) высказываний на основании одного свойства (афористичности), но и противопоставить их на этом основании всем остальным высказываниям – не афоризмам. А это, в свою очередь, даст возможность не только однозначно определить объём самого понятия “афоризм” и сформировать теоретические представления об афоризме как предмете специальной лингвистической дисциплины – афористики, но и создать объективные основания для непротиворечивой интерпретации афоризма и афористичности в терминах иных дисциплин (паремиологии, лингвистики текста, поэтики и др.).

2. Систематизация и описание паремиологического и афористического материала белорусского языка являются одними из самых насущных проблем в современной белорусской лингвистике, которая в этом плане вовсе не исключение в европейском языкознании. Аналогичные проблемы в разной степени не решены для целого ряда славянских языков и пока далеки от своего решения в общеевропейском языковом контексте. Однако, если, например, в русистике описательные паремиология и афористика в последнее время характеризуются весьма бурным развитием, то в белорусистике они всегда находились скорее на периферии лингвистического изучения сверхсловных единиц. Так, за последние более чем полвека белорусскими языковедами по результатам исследований белорусских пословиц и афоризмов опубликовано только 3 небольших монографии на основе диссертационных исследований (Аксамітаў 1958; Параскевіч 1984; Лепешаў, Якалцэвіч 1995), всего 1 учебное пособие по паремиологии (Лепешаў 2006) и 1 по афористике (Іванюк 2004а), а также защищено лишь 5 диссертаций по частным вопросам паремиологии (Аксамитов 1958; Буряко 1974; Петрикевич 1974; Параскевич 1976; Яколцевич 1990) и 2 диссертации по афористике (Леванюк 2002; Назаранка 2003), из которых нет ни одной докторской.

Пословицы белорусского языка систематизированы и описаны гораздо полнее и точнее, чем афоризмы. При этом следует отметить, что описание внутренних свойств и способов функционирования пословиц гораздо более репрезентативны, чем попытки их систематизации. Систематизация пословичного материала белорусского языка имеет место обычно при составлении сборников пословиц как способ их упорядочивания и носит ярко выраженный фольклорный характер – пословицы группируются по своему предметно-тематическому содержанию как фольклорные тексты. Актуальными на сегодняшний день остаются выработка критериев и осуществление систематизации пословиц в белорусском языке по их основным семантическим, структурным, деривационным, функциональным и иным типам.

Свойства афористических единиц в белорусском языке почти не описаны. Не изучены семантическая структура афоризма, его лексико-грамматическая организация, способы функционирования в тексте, стилистические свойства, а также идиостилистические особенности (за небольшим исключением не описана афористика классиков белорусской литературы). Проблема систематизации афористических единиц белорусского языка также остается нерешённой. Её решение осложняется отсутствием однозначного подхода, во-первых, к определению объема афористического материала (неопределённостью понятия афористичности), а во-вторых, к его описанию (различием филологического и лингвистического понимания афоризма). Например, в рамках

филологического понимания афоризма за пределами систематизации остаются все прецедентные афористические высказывания (прежде всего пословицы литературного происхождения, крылатые афоризмы, ср. Міхневіч 1994а), а сам афоризм рассматривается только как разновидность литературного изречения и не подпадает под дальнейшую классификацию (Міхневіч 1994б; Назаранка 2004). Наиболее продуктивным здесь видится лингвистический подход, в рамках которого возможна наиболее полная и детальная дифференциация афористического материала на основании генетических, структурных, семантических, функциональных, стилистических и иных критериев (Иванов 2009; Іваноў 2009).

Ещё одним актуальным аспектом белорусской паремиологии и афористики является систематизация и описание пародийных и шуточных трансформаций пословиц и крылатых афоризмов – антипословиц и антицитат, которые в настоящее время приобрели широкое распространение почти во всех европейских языках и активно изучаются в славистике и германистике. В белорусском литературном языке последней четверти XX – начала XIX века также зафиксировано оживление в создании и употреблении антипословиц (Іваноў, Канавалава 2010) и антицитат (Іваноў, Іванова 2010), которые ещё ожидают своего детального исследования.

3. Выявление количественных характеристик паремиологического и афористического фондов белорусского литературного языка представляет собой важную прикладную проблему белорусского языкознания. До сих пор не известны точно ни объём паремиологического фонда, ни состав паремиологического минимума белорусского языка, хотя эти задачи либо уже решены, либо успешно решаются для многих славянских и неславянских языков. Количественные параметры белорусской языковой афористики отдельно никогда не определялись, нет данных и о количестве белорусских литературных афоризмов. Квантитативные исследования афористических единиц в белорусском языке осложняются, как и в других славянских и неславянских языках, нечётким представлением о самом объекте изучения, в частности, о его соотношении с паремиологическим материалом языка и с литературным жанром изречений.

Общий объём паремиологического фонда всегда оценивается приблизительно, как правило, на основе данных всех известных (или наиболее репрезентативных) паремиографических источников. Такая оценка является возможной лишь при наличии одного большого сводного паремиологического словаря (сборника), в котором были бы исключены совпадения, а также учтены все возможные варианты формы пословиц, как, например, в словарях *“Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich”* под редакцией Ю. Кжижаковского (1969–1978), *“Большой словарь русских пословиц”* В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010) и под. Единственный сводный сборник белорусских пословиц *“Прыказкі і прымаўкі”* (1976) М.Е. Гринבלата, в котором содержится более 12 000 единиц из разных паремиографических источников, не может служить достоверной эмпирической основой для количественной оценки общего объёма паремиологического фонда белорусского языка. Во-первых, данный сборник является далеко не полным собранием белорусских пословиц. Так, в нём отражены не все белорусские паремиографические источники. Нет многих пословиц из рукописных и редких печатных паремиологических сборников (Аксамітаў 2002), учтены далеко не все пословичные единицы современной живой белорусской речи (Янкоўскі 1992) и диалектные пословицы (Варлыга 1966). В сборник М.Е. Гринבלата также не вошло достаточно большое количество белорусских пословиц, содержание которых не соответствовало “мировоззрению советского человека” (Federowski 1935). Кроме этого, значительная часть пословиц была квалифицирована М.Е. Гринблатом в соответствии с фольклорным пониманием жанра паремий как т. н. “народные изречения” и включена в сборник *“Выслоўі”* (Грыблбат 1979). Общее число не зафиксированных в сборнике М.Е. Гринבלата белорусских пословиц, по нашей предварительной оценке, составляет не менее

10 000 единиц. Актуальным, таким образом, остается создание большого сводного словаря белорусских пословиц, где был бы максимально полно представлен паремиологический фонд белорусского языка.

Попытки определить состав паремиологического минимума белорусского языка предпринимались дважды. Первый раз – в 1990–1998 гг. М.Ю. Котовой при выявлении паремиологических минимумов славянских языков для “Русско-славянского словаря пословиц с английскими эквивалентами” (2000). В результате было установлено, что из 652 белорусских пословиц (соответствующих 500 русским), 281 имеют широкую употребительность, 308 общеизвестны, но не имеют широкой употребительности, и 63 не употребляются в современной речи (Котова 2000, 273-284). Таким образом, в паремиологический минимум белорусского языка (на общеславянском фоне) вошло 589 пословиц. Однако репрезентативность количественных данных и состава единиц паремиологического минимума белорусского языка, полученных М.Ю. Котовой, вызывает сомнения из-за ряда субъективных факторов. Так, в списки для опроса информантов были включены только те белорусские пословицы, которые являются эквивалентами русских (что автоматически исключило из опроса все безэквивалентные единицы), подбор белорусских эквивалентов осуществлялся прежде всего самим автором “путём сплошной выборки (чтения) словарей”, количество опрошенных было ограничено “несколькими информантами”, в том числе на этапе “итоговой маркировки пословиц” проживающими только в одном белорусском городе – в Слуцке (Котова 2000, 4), без указания на то, какой язык для них является родным, а какой неродным (что является решающим фактором отбора информантов в условиях белорусско-русского двуязычия на территории Беларуси). Это, в частности, обусловило то, что в составе 281 широко употребительных белорусских пословиц оказались за немногим исключением (не более 10%) либо единицы, общие для русского и белорусского языков, либо кальки и полукальки с русского языка.

Второй раз наиболее употребительные белорусские пословицы были определены в 2000–2001 гг. на основе существенно модернизированного паремиологического эксперимента Г.Л. Пермякова, в результате которого был выявлен “паремиологический минимум” (около 440 единиц), а в его составе – свыше 90 наиболее известных и широко употребительных пословиц современного белорусского литературного языка (Иванов 2004б). Несмотря на более масштабный, чем у М.Ю. Котовой, характер (около 200 участников различных возрастов и профессий) и более изощрённую методику, второй эксперимент был так же, как и первый, ограничен территориально (г. Минск и г. Могилевом) и поэтому и его результаты остаются не вполне объективными. Можно констатировать, что белорусский паремиологический минимум пока не определён и требует существенного уточнения методики выявления как своего объёма, так и состава единиц.

Следует заметить, что функциональная и содержательная актуальность единиц паремиологического минимума ограничена только тем или иным периодом исторического развития языка. Иными словами, на разных этапах исторической динамики языка количественный и качественный состав его паремиологического минимума будет разным. Поэтому «паремиологический эксперимент» и его результаты соответствуют только одному из возможных подходов к изучению языковой системы – диахроническому. При взгляде же на паремиологический фонд языка с синхронической точки зрения, можно выделить определённое количество пословиц, значение и лексико-грамматический состав которых не изменялись на протяжении долгого времени (не менее нескольких последних столетий) и которые активно используются теперешними носителями языка. Совокупность таких пословиц можно определить как «основной паремиологический фонд» языка – корпус единиц, которые являются широко употребительными, а это значит и содержательно актуальными (общеизвестными) для носителей языка на разных этапах его исторического развития, включая современный. В этой связи актуальной для современной белорусской паремиологии представляется разработка принципов и методов

выявления единиц основного паремиологического фонда, что важно не только для определения его количественных параметров, но и для его описания как отдельной подсистемы белорусского языка (Иваноў 2006б).

Определение количественных параметров белорусской языковой афористики предполагает решение тех же задач с применением тех же методов, что и в квантитативной паремиологии: выявление общего объема, минимума и основного фонда афористических единиц (прежде всего из числа крылатых выражений и широко известных цитат). Главной проблемой квантитативного описания языковых афоризмов является почти полное отсутствие на сегодняшний день их лексикографической фиксации. Первый словарь крылатых афоризмов белорусского языка появился совсем недавно и содержит лишь около 150 широко употребительных единиц (Иваноў 2011). Объем литературной афористики (как общего количества, так и наиболее часто цитируемых афоризмов) может быть установлен также только после создания максимально полных собраний афористических изречений и цитат из произведений белорусских писателей и тех зарубежных авторов, которые переведены на белорусский язык. Однако если афоризмы белорусских авторов представлены с разной степенью полноты в нескольких сборниках (Янкоўскі 1960; Міхневіч 2002; Леванюк 2010; Гаўрош, Нямковіч 2011), то зарубежная литературная афористика за исключением избранных изречений небольшого количества авторов не переведена на белорусский язык и не систематизирована. Актуальным поэтому является создание необходимой лексикографической базы для квантитативного описания как языковой афористики, так и корпуса литературных афоризмов, без чего трудно себе представить полноценную интеграцию белорусского языка в общеевропейское лингвокультурное пространство.

Евгений Евгеньевич Иванов (Могилев, Беларусь)

ivanov-mgu@mail.ru